

О. В. Каширина

Культура времени как практическая социология современности

Социология повседневности, в отличие от прикладной социологии, равно как и от других направлений социологической науки, призвана изучать краткосрочные структуры-процессы, быстрые социальные изменения, непосредственно зависящие от практического поведения и деятельности цивилизационных субъектов (личностей, социальных общностей любого масштаба). Повседневность представлена в ней чередой событий – пространственно-временных ситуаций (ПВС), включающихся дисперсно (автономно) в структуры-процессы, а потому отдельно изучаемых при помощи философско-социологического диагноза времени в ПВС. Поэтому социологию повседневности можно без преувеличения назвать практической социологией, сверяющей календари, часы, историю происходящих событий с культурой прошлого, настоящего и будущего времени. «Время имеет смысл наиболее гуманитарного фактора, которым оперирует естествознание» [1; С. 67.]. Развивая этот блестящий тезис о гуманитарных функциях времени, добавим, что культура времени как гуманитарный интеллект (социокультурная регуляция) способна не только объединять и разъединять людей, быть связующим звеном технических, естественных и гуманитарных наук, но и быть вечным общечеловеческим идеалом «переоткрытия времени» (И.Р. Пригожин), к которому всегда стремятся, чтобы повседневно управлять временем, как величайшей гуманитарной ценностью. Культура времени, таким образом, как мировоззренческая парадигма становится наиболее эффективным повседневным социокультурным регулятором технико-гуманитарного баланса. Закон технико-гуманитарного баланса сформулировала современная российская философия. Согласно этому закону «чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сдерживания агрессии необходимы для сохранения социальной системы» [2]. С технологическим потенциалом растет внешняя устойчивость общества, т.е. его независимость от спонтанных природных или геополитических катаклизмов. Однако, вместе с ростом внешней устойчивости, растет внутренняя уязвимость социальной системы по отношению к повседневным колебаниям массовых настроений, опрометчивым решениям авторитетных лидеров и т.д. Ее внутренняя устойчивость снижается, если возросшая инструментальная мощь не уравновешена адекватным повседневным совершенствованием ценностей и норм деятельности. Поэтому стратегическую перспективу составляет совершенствование

культуры времени как возвышение гуманитарного интеллекта (социокультурной регуляции повседневности) до уровня интеллекта инструментального (социокультурной регуляции современности), а не наоборот. Иначе говоря, культура времени, являясь способом социокультурной регуляции повседневности, вместе с тем является также и индикатором социальных изменений, восхождения субъекта от повседневности к современности, то есть является практической социологией повседневности.

Таким образом, культура времени понимается нами как культура темпорального (общественного и индивидуального) самосознания, регулирующая культуру поведения и деятельности цивилизационного субъекта. Она ставит сложнейшую социальную проблему выбора таких организационных форм и таких высших духовных ценностей жизни, на основе которых становятся возможны манипуляции «паттернами» (ускорением, замедлением или ожиданием), формами (внутренними – внешними – метавнешними) и фигурами (прошлым – настоящим – будущим) времени, определение приоритетов «вчера – сегодня – завтра» в конкретной пространственно-временной ситуации (тактики), с учетом стратегических интересов самоидентификации и самореализации цивилизационных субъектов.

Список литературы

1. Кузьмин М.В. Экстатическое время // Вопросы философии, № 2, 1996.
2. Назаретян А.П. Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд // Вопросы философии, № 5, 2009, С. 3-19.